

Т. Смирнова

Русские истоки инвенторства И. Ф. Стравинского

В статье освещается тема инвенторства в творчестве Игоря Стравинского. Особое внимание уделено исследованию русских корней этого принципа, музыкально-психологических предпосылок для его формирования.

XX век кишит изобретателями, но нашедших среди них не много.

Э. Шенбергер

Творческое наследие Игоря Федоровича Стравинского – особая страница в музыкальном пространстве XX в. С одной стороны, уникальная по многогранности художественной модели мира композитора, сфокусировавшей в себе ведущие направления и стили современной эпохи, а с другой – по интенсивности открытий Стравинского, навсегда изменивших облик музыкальной культуры прошедшего столетия.

Оттолкнувшись от русской и европейской музыкальной классики, композитор неизменно двигался в сторону оригинальных открытий. Его индивидуальный художественно-эстетический идеал возник не на основе норм, а в результате постоянного экспериментирования с уже известным и неоднократно опробованным. Новаторство музыки Стравинского получило отражение в индивидуальной художественно-эстетической концепции, особый интерес в границах которой представляет **инвенторство** (от лат. *inventio* – изобретение, открытие, нововведение) – принцип, активно формировавшийся на протяжении всех этапов творчества композитора и приобретший статус характерной авторской доминанты.

Необходимость проведения исследований в этом направлении в первую очередь продиктована мироощущением композитора,

подтверждение чему находим в его публицистическом наследии. Показательно, что сам Стравинский предпочитал называть себя именно «изобретателем музыки» (фр. «compositeur de la musique»), человеком, которого в первую очередь увлекает мысль о новом открытии и самой работе [см. об этом: 12, с. 195].

Несмотря на многообразие музыковедческой литературы, посвященной Стравинскому, данная проблема ранее не являлась объектом специального исследования. Высказывания как русских и советских, так и западных музыковедов по поводу инвенторства носят характер кратких замечаний. Исследователями не ставилась цель доказать значимость данного принципа для композиторского стиля в целом, выявить его глубинную русскую почвенность, что, в свою очередь, позволило бы значительно расширить круг вопросов, затрагиваемых современным «стравинковедением».

Между тем изучение феномена инвенторства представляется крайне важным при определении сущностных черт композиторского творчества¹. В свою очередь, осмысление различных сторон поэтики Стравинского в неисследованном ранее аспекте может стать ключом к пониманию художественных процессов XX в., характеризующихся переходом к новой системе, основанной на переломе в мировоззренческих установках и поисках новаторских форм в искусстве.

В поисках коренных истоков принципа инвенторства обратимся к раннему этапу «русского» периода творчества Стравинского (до 1910 г.), который связан с его интенсивным приобщением к универсалиям композиторского ремесла, основанном на индивидуальных музыкально-психологических впечатлениях, а также на личном и педагогическом общении с Н. Римским-Корсаковым и его окружением².

Сегодня «оживить» звуковой контекст, в рамках которого происходило формирование Стравинского-композитора, достаточно проблематично. Единственным информативным источником по-прежнему остается публицистическое и эпистолярное наследие композитора, где Стравинский неоднократно свидетельствовал об особой насыщенности и разнообразии своих детских музыкальных

---

¹ Среди работ, непосредственно касающихся данной проблематики, можно выделить исследования М. Лобановой. В них инвенторство рассматривается на примере типологической связи эпохи барокко и XX в.

² За рамками настоящей статьи остаются иные источники инвенторства Стравинского (к примеру, влияние среды «Мира искусства», эстетики модерн и др.), повлиявшие на композитора в не меньшей степени.

впечатлений. Звуковая среда, в которую был погружен будущий композитор, отличалась разнородностью, что станет впоследствии неотъемлемым свойством творческого облика Стравинского. Богатый оперный и камерно-вокальный репертуар Ф. Стравинского – отца композитора, баса Мариинского театра – мирно соседствовал со звуковой атмосферой родного Санкт-Петербурга и народными песнями, услышанными в деревне во время летнего отдыха.

Важность подобных звуковых впечатлений, нашедших, по словам композитора, конкретное отражение в творческой практике, осознавалась Стравинским, обладавшим удивительной цепкостью и активностью музыкальной памяти. Доказательством этому выступают его слова на страницах «Диалогов» о первых композиторских опытах, примечательным образом перекликающиеся с более поздними высказываниями на подобную тему. «В последнее время я часто вспоминал также звуки музыки, услышанной мною впервые, – пронзительные звуки флейт и гром барабанов оркестра моряков из казарм, расположенных вблизи нашего дома, при слиянии Крюкова канала с Невой. Эта музыка и звуки оркестра, сопровождавшего полки конной гвардии, ежедневно проникали в мою детскую. Особенно забавляли меня в младенчестве звуки труб, флейт и барабанов. Я знаю также, что желание воспроизвести эту музыку было причиной моих первых попыток сочинительства; я пробовал подобрать на рояле услышанные мной интервалы – лишь только смог дотянуться до клавиатуры, – но при этом находил другие интервалы, нравившиеся мне больше, что уже делало меня композитором», – вспоминал Стравинский [8, с. 6]¹. В «Хронике моей жизни» композитор связывает свое «посвящение» в музыканты с точно усвоенной в детстве народной песней [11, с. 20–21], процитированной впоследствии в «Диалогах» [8, с. 17].

Воспоминания такого рода исключительно важны для проникновения в суть принципа инвенторства Стравинского в плане

---

¹ Метод работы с интервальными структурами под чутким руководством слуха сохранял свою «концепционность» на протяжении всего творческого пути Стравинского. «Сочинять для меня – значит упорядочивать определенное число этих звуков согласно определенным соотношениям интервалов. Это занятие приводит к поискам центра, к которому должен сходиться ряд звуков, вовлеченных в мою затею», – писал Стравинский в «Поэтике» (1939) [12, с. 188]. В 1970–1971 гг. композитор так отвечал на вопросы, касающиеся сути творческого процесса: *«Из чего складывается идея? Что вами осознается в первую очередь? Интервалы, комбинации интервалов. Ритм, который есть рисунок (и структура), зачастую приходит позднее, мало поддается изменению, что с интервалами бывает редко»* [5, с. 384].

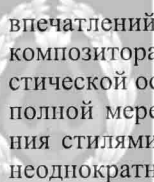
атрибутивных свойств музыкального материала, отоираемого и «присваеваемого» музыкальной памятью композитора. Своеобразной осью, вокруг которой концентрируются сохранившиеся комментарии композитора по поводу звукового окружения ранних лет, становится русское народное музыкально-поэтическое творчество. Личное активное взаимодействие с данной областью музыкальных впечатлений, дополненное и систематизированное впоследствии посредством изучения русских песенно-поэтических и этнографических коллекций, способствовало стремительно нарастающей интенсивности превращения Стравинского в самобытного «мастера родной речи» (Б. Асафьев).

«Бессознательные “народные” воспоминания», на которые ссылался Стравинский, прочно и навсегда вошли в его музыкальную сущность. Примечательно, что именно указанные им источники музыкальных впечатлений, выступившие в роли первичных побудительных творческих импульсов, оценивались впоследствии как основа новаторства композитора¹. По замечанию М. Друскина, многое из «подслушанного» в тот период Стравинским в народно-музыкальной практике стало фундаментом его композиционной техники. В статье «Русские истоки» исследователь указывает на ряд коренных признаков, присущих композитору, которые были почерпнуты им из народной музыкально-поэтической среды. Среди них – смена и смещение акцентов, вариантность интонационных формул (ротация, «верчение» мотивов), метроритмические перебои, «педально-органные» унисоны басов; опора в архитектонике сочинений на первичные особенности русского народного стихосложения, заключающаяся в точных и неполных (аналогичных) повторах, образных параллелизмах; особенности жанрово-интонационной основы [3, с. 485-486].

В процессе накопления и обогащения слухового опыта Стравинский действовал подобно Н. Римскому-Корсакову, который, «благодаря таланту, легче запоминал и усваивал наиболее типичное в напевах» [курсив мой. – Т. С.] [14, с. 313]. Однако, в отличие от своего учителя, молодой Стравинский имел уникальную возможность осязать и звуковую среду петербургских улиц, в равной степени сочетавшую в себе пласты городского и крестьянского фольклора². Подобная смешанность юношеских «народных» звуковых

¹ Практически все пути новаторства в музыкальной композиции первого авангарда (за исключением, пожалуй, серийности), к которому Ю. Холлопов причислял Стравинского, так или иначе связаны с работой композитора в «фольклорном» направлении [13, с. 9-12].

² Н. Римский-Корсаков не остался в стороне от городских фольклорных источников. Одним из таких примеров выступает уличный «хит» вто-

впечатлений сыграла важную роль в становлении Стравинского-композитора. В частности, их прочное переплетение стало стилистической основой «балета-улицы» (А. Бенуа) «Петрушка» (1911), в полной мере демонстрирующего композиционный метод «мышления стилями» (определение С. Савенко), к которому впоследствии неоднократно будет прибегать Стравинский.

Перебирая в памяти городские впечатления, Стравинский указывает на прочно запечатлевшиеся в ней звуки. Это перезвон колоколов Никольского собора, полуденный пушечный сигнал со стен Петропавловской крепости, игра военных оркестров, крики разносчиков и точильщиков, масленичные гулянья, наигрыши гармошки, балалайки, шарманки. Последние из указанных источников, «ностальгия» по которым нашла непосредственное звуковое отражение в ряде сочинений Стравинского, приобретают особое значение. В упомянутой статье М. Друскина высказывается предположение о проникновении указанных музыкальных источников в самую суть музыкального мышления Стравинского. Исследователь ведет речь о «косом дожде сильных долей» (определение Б. Асафьева) – регулярной акцентности, импульсом для изобретения которой, по его мнению, могло стать звучание «испорченного музыкального механизма» шарманки [3, с. 486-487].

В ряду ранних воспоминаний обращают на себя внимание рассказы о фортепианных занятиях Стравинского. Композитор неоднократно указывал на большую привлекательность чтения с листа и импровизаций, нежели систематических «пальцеразвивательных» занятий на инструменте [9, с. 88]. По воспоминаниям Стравинского, «с одной стороны, они содействовали лучшему освоению рояля, а с другой – пробуждали музыкальное мышление» [11, с. 22].

Именно рояль выступил в качестве своеобразной «точки опоры» Стравинского в движении к новым музыкальным открытиям. «Каждая написанная мною нота испробована на рояле, каждый интервал исследуется отдельно, снова и снова выслушивается», – отмечал композитор [8, с. 90].

Изобретение Стравинским первичной музыкальной идеи также происходило за роялем: «...задолго до рождения идеи я начинаю работать над ритмическими соединениями интервалов. Такое ис-

---

рой половины XIX в. «Чижик-пыжик», процитированный в опере «Золотой петушок» (1908) и имеющий ярко выраженную сатирическую направленность. Подобную трансформацию претерпевает и тема песни «Светит месяц, светит ясный», звучащая в духе военного марша. У Стравинского же аналогичное цитирование приобретает значение «важнейшего эстетического принципа» [7, с. 72].

следование возможностей всегда производится за роялем. Только после того, как мелодические или гармонические взаимоотношения установлены, я перехожу к композиции, представляющей собой дальнейшее расширение и организацию материала» [8, с. 224]¹. Так, например, по определению самого Стравинского, из вопросительного «аккорда-толчка» «Весенних гаданий» выросла вся «Весна священная» (1913). Вероятно, это и был случай точно «изобретенного» аккорда, к которому композитор всегда стремился².

Привлекательность рояля, сочетающего в себе огромный диапазон и богатство звуковых красок с четкостью и конкретностью ударного инструмента, для композитора несомненна. Первоначально вся музыка «раскрашивалась» с его помощью, а уже затем продолжала свое существование в исполнении других инструментов. В этой связи примечательно высказывание американского скрипача и друга Стравинского С. Душкина: «Он часто сочиняет за роялем, глубоко сосредоточившись, мыча себе под нос и стараясь уловить те ноты и аккорды, которые как будто слышались ему. Было удивительно сознавать, что такая сложная партитура, как “Весна священная”, сочинялась подобным образом» (курсив мой. – Т. С) [цит. по: 4, с. 345].

Сочинение за роялем получило одобрение со стороны Н. Римского-Корсакова, о чем сам Стравинский свидетельствовал на страницах «Хроники» [11, с. 22]. Плодотворные занятия с Римским-Корсаковым, продолжавшиеся с 1902 г. вплоть до смерти учителя в 1908 г., вплотную подвели Стравинского к освоению композиторского «труда». В лице старшего современника он нашел не только чуткого руководителя, указавшего «верное» направление

---

¹ С. Савенко в ходе рассуждений об особенностях творческого процесса Стравинского указывает на еще один метод сочинения, активно использовавшийся композитором. Обладая ярко выраженной дедуктивной составляющей, данный метод отличается наличием целостного охвата «изобретаемой» композиции и применяется, как правило, при работе над многочастными сочинениями (заранее определяются последовательность, общий облик частей, их тембровое наполнение и т. д.) [см. об этом: 6, с. 212-213].

² Изобретение «правильного» созвучия происходило следующим образом: «Стравинский брал на фортепиано эти несколько звуков, слушал их, исправлял ноты, слушал опять, вновь заменял ноты, возвращался к первоначальному созвучию, снова вносил поправки и так длилось долго. Слух его все время находился в состоянии предельной напряженности. Но – минимум разговоров, лишь поиск звуков, которые могли бы удовлетворить его ухо» [цит. по: 2, с. 125].

в его творческом развитии, но и сумевшего уловить огромный креативный потенциал, заложенный в начинающем композиторе. Одним из свидетельств тому можно считать слова, процитированные в письме либреттиста и друга Римского-Корсакова В. Бельского к Стравинскому: «При всей своей скупости на одобрения он [Римский-Корсаков] обстоятельно рекомендовал мне каждую новую Вашу работу. Помню фразу, сказанную им мне однажды с ударением: “Игорь Стравинский может быть учеником, но последователем он не будет ни моим, ни кого-нибудь другого. Да и не надо, потому что музыкальное дарование его исключительно огромное и самобытное”» [10, с. 319].

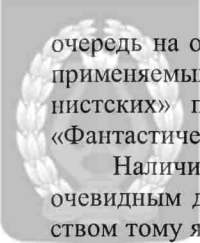
Следуя собственной программе обучения, сформированной на основе гармоничного слияния принципов «Новой русской школы» Балакирева и практике профессионального консерваторского образования, Римский-Корсаков основывал приобщение Стравинского к композиторской профессии на усвоении целого комплекса основ музыкального письма, среди которых важное место уделялось инструментовке, голосоведению, форме, гармонии¹. По воспоминаниям самого Стравинского, «его преподавание целиком касалось “техники”» [8, с. 40].

В качестве еще одной важной составляющей, которая наряду с техническими умениями определяла сущность концепции композиторского таланта Римского-Корсакова и, вероятно, культивировалась Стравинским, была изобретательность. Римский-Корсаков отмечал: «...если высшая слуховая способность вместе с природным архитектурным слухом и чувством музыкальной логики украшается изобретательностью, исходящей из внутренней потребности творчества, то такую высшую способность можно назвать *композиторским* или *творческим* талантом» [цит. по: 1, с. 294].

Как отмечал М. Друскин, одной из областей оттачивания изобретательности Стравинского стала инструментовка: «Крепко усвоил он также завет учителя, что музыка не переключается на оркестр, а пишется для инструментов оркестра, и развил в этом отношении внутренний слух и способность к изобретению до предельного совершенства» [3, с. 74]. Неслучайно музыкальные критики первых сочинений Стравинского обращали внимание в первую

---

¹ Следует упомянуть о воспитании четкого композиционного мышления, которому Н. Римский-Корсаков отводил важную роль в освоении технического мастерства. Работа молодого Стравинского над фортепианной сонатой (1904) и симфонией Es-dur (1906) перекликается с первыми композиторскими опытами «балакиревцев» (самого Н. Римского-Корсакова, а также А. Глазунова), связанными, как известно, с освоением крупных форм.

очередь на особую колористическую палитру оркестровых красок, применяемых молодым композитором. Речь идет об «импрессионистских» партитурах Стравинского – «Фейерверке» (1908) и «Фантастическом скерцо» (1908).

Наличие у Стравинского «изобретательской» жилки было очевидным для учителя и его окружения. Уникальным свидетельством тому является характеристика молодого композитора, данная Н. Римской-Корсаковой в письме от 1910 г. к одной из дочерей. Сравнивая Стравинского с М. Штейнбергом, также прошедшим корсаковскую школу, Н. Римская-Корсакова заключает: «Если можно выразить их направление в самых общих чертах, двумя словами, то я бы сказала так: Игорь стремится к новизне во что бы то ни стало, а Макс – к красоте. <...> Папа как-то сравнил Игоря и Макса с Мусоргским и собой. Это отчасти верно, но Мусоргский при своем стремлении к новизне, разрушении авторитетов и иногда кривляний, по силе и оригинальности таланта на две головы выше Игоря. Мусоргский ни на кого не был похож, никому не подражал, создал собственный стиль. Не думаю, чтобы Игорь, даже в отдаленном будущем, сделал бы что-нибудь подобное. Конечно, и папа не приравнивал его к Мусоргскому, а только хотел этим сравнением указать на общую черту – стремление к новизне и оригинальности» [цит. по: 9, с. 221].

Однако Стравинскому все же было суждено стать создателем «собственного стиля». Как и Мусоргский, он обладал «гениальной интуицией» [8, с. 52], что позволило ему чутко уловить дыхание Новой музыки (Ю. Холопов). Немаловажную роль в этом процессе сыграл и Н. Римский-Корсаков, предугадавший в своем позднем творчестве многие «открытия» XX в., тем или иным образом проявившиеся в музыке Стравинского. Приблизиться к самой сути новаторства композитора, каждое новое сочинение которого для современников являло собой «новую реальность», в значительной степени помогает взгляд на ранний этап творчества Стравинского сквозь призму инвенторства. Подобный подход к изучению наследия мастера позволяет, с одной стороны, выявить генезис творчества, а с другой – обосновать его существенные характеристики.

Список использованных источников

1. *Асафьев, Б.* Слух Глинки / Б. Асафьев // Избр. труды: в 5 т. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – Т. 1. – С. 289-328.
2. *Варуц, В.* Биографические очерки [продолжение] / В. Варуц // Музыкальная академия. – 2002. – № 4. – С. 123-137.

3. Друскин, М. Собрание сочинений: в 7 т. / М. Друскин / ред.-сост. Л. Ковнацкая. – СПб.: Композитор, 2009. – Т. 4: Игорь Стравинский. – 584 с.

4. Душкин, С. Сотрудничая со Стравинским / С. Душкин // И. Ф. Стравинский: Статьи. Воспоминания / сост. Г. Алфеевская, И. Вершинина. – М.: Сов. композитор, 1985. – С. 342-351.

5. И. Стравинский – публицист и собеседник / ред.-сост. В. Варунц. – М.: Сов. композитор, 1988. – 504 с.

6. Савенко, С. Мир Стравинского / С. Савенко. – М.: ИД «Композитор», 2001. – 328 с.

7. Савенко, С. Римский-Корсаков и Стравинский: «отцы и дети» / С. Савенко // Наследие Н. А. Римского-Корсакова в русской культуре: К 100-летию со дня смерти композитора (по материалам конференции «Келдышевские чтения-2008»): сб. ст. / Государственный ин-т искусствознания; ред.-сост. М. Рахманова. – М.: Дека-ВС, 2009. – С. 68-76.

8. Стравинский, И. Диалоги. Воспоминания. Размышления. Комментарии / И. Стравинский. – Л.: Музыка, 1971. – 414 с.

9. Стравинский, И. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии / И. Стравинский, сост., текстолог. редакция и коммент. В. Варунца. – М.: ИД «Композитор», 1997. – Т. 1: 1882 – 1912. – 552 с.

10. Стравинский, И. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии / И. Стравинский; сост., текстолог. редакция и коммент. В. Варунца. – М.: ИД «Композитор», 2003. – Т. 3: 1922 – 1939. – 944 с.

11. Стравинский, И. Хроника моей жизни / И. Стравинский; пер. с фр. Л. Яковлевой-Шапориной; ред. И. Вершининой. – М.: ИД «Композитор», 2005. – 464 с.

12. Стравинский, И. Хроника. Поэтика / И. Стравинский. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 368 с.

13. Холопов, Ю. Стравинский и пути новаторства в музыке XX века / Ю. Холопов // Стравинский в контексте времени и места: материалы науч. конф., Москва, 28-29 окт. 2002 г. / Моск. гос. консерватория им. П. И. Чайковского; ред.-сост. С. Савенко. – М., 2006. – С. 7-14.

14. Ястребцев, В. Николай Андреевич Римский-Корсаков. Воспоминания [1886 – 1908]: в 2 т. / под ред. А. Оссовского. – Л.: Музгиз, 1960. – Т. 2: [1898 – 1908]. – 634 с.

Summary

This article concerns the theme of Igor Stravinsky's invention. Special attention is paid to the research of Russian roots of this principle, the musical and psychological premises for its formation.

Статья поступила в редакцию 12.05.2011 г.